

Рецензия на книгу:

А.Д. Бертова.

Христианство в Японии:

опыт историко-религиоведческого анализа. —

СПб.: Наука, 2017. — 318 с. — ISBN 978-5-02-038374-6

В.Ю. Климов

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.17816/WMO46848

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Японии, «новые религии» (*синсю:кё:*), понятие о семье *изэ*, «тайные христиане», Утимура Кандзо, Нитобэ Инадзо, Уэмура Масахиса, Кодзаки Хиромити, Эбина Дандзё.

Рецензия поступила в редакцию 13.06.2020.

Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Дальнего Востока ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (klimovvadim26@gmail.com).

© Климов В.Ю., 2020

История развития христианства в Японии и его адаптации на японской почве представляет собой крайне интересную тему для исследования, позволяющую пролить свет на целый ряд вопросов, связанных как с историей, культурой, особенностями менталитета и психологии японского народа, так и с различными аспектами развития христианства как религии в целом. Тем не менее данная тема в течение долгого времени не вызывала отдельного интереса среди отечественных исследователей-японистов. Большая часть работ, так или иначе характеризующих распространение христианства в Японии, касается по преимуществу первого периода распространения этой религии в стране, т.е. середины XVI — первой половины XVII в., причем основной вывод сводится к тому, что, несмотря на довольно стремительное развитие в конце XVI в., христианство не имело сильного влияния на японскую культуру. О распространении христианства во второй половине XIX — начале XX в. упоминается лишь в связи с Русской духовной миссией в Японии либо в контексте идей отдельных японских христианских мыслителей, в частности Утимура Кандзо 内村鑑三 (1861–1930) и Нитобэ Инадзо 新渡戸稲造 (1862–1933). Этот пробел во многом обусловлен тем, что традиционно в Советском Союзе вопросы, связанные с религией, тем более западного происхождения, рассматривались в ограниченном масштабе.

В плане изучения Японии исследователей гораздо больше привлекали собственно японские верования и религии, нежели распространение в стране западного учения.

Монография Анны Дмитриевны Бертовой «Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа» представляет собой первое комплексное исследование различных аспектов развития христианства в Японии, сделанное на весьма высоком научном уровне. Проведенное автором исследование основано на масштабной источниковедческой базе, а также отличается глубиной анализа.

Автор вводит в научный оборот широкий спектр различных материалов: это и труды японских христианских деятелей различных конфессий, и публикации японских христианских организаций (как довольно ортодоксальных, в том числе Японской католической церкви, Объединенной церкви Христа в Японии, Японской православной церкви, так и весьма специфических, в частности так называемых местных христианских движений, возникших непосредственно на японской почве), и интервью, проведенные с представителями разных христианских направлений, и результаты собственных полевых исследований.

Во введении монографии основная задача автора сформулирована следующим образом: показать, что «христианство, проникнув в Японию, оказало значительное влияние на социально-политическую и культурную жизнь страны, однако в то же время претерпело значительные изменения по сравнению с тем его вариантом, который в свое время был принесен в страну миссионерами». Эти изменения, по мнению автора, в первую очередь связаны со стремлением к сохранению коренных японских культурных ценностей, которые в проповедуемом западными миссионерами варианте христианства были случайно или умышленно игнорированы (с. 4).

Монография состоит из четырех глав, каждая из которых вскрывает особенности того, что автор в итоге называет «японским христианством», т.е. характерного только для Японии варианта христианской религии. Первая глава, носящая обзорный, базово-исторический характер, описывает основные периоды («волны») истории развития христианства в Японии: второй половины XVI в., второй половины XIX в., а также середины XX в., после Второй мировой войны. Все эти периоды связаны с активным проникновением иностранцев в страну и с необходимостью реагировать на это проникновение: сначала восприятие элементов западной культуры в их совокупности, а затем их фильтрация и принятие только тех из них, которые оказывались наиболее полезными для развития и укрепления японского государства и культуры.

Автор описывает не только период появления европейцев в Японии и первых шагов основанной там иезуитской миссии, закончившихся антихристианскими репрессиями. Гораздо большее внимание уделяется второй половине XIX в., когда Япония столкнулась с необходимостью скорейшей модернизации перед лицом западной угрозы, а христианство казалось многим прогрессивным японским деятелям основным двигателем прогресса Запада, а значит и потенциальным спасением для Японии. В страну устремились миссионеры из самых разных западных стран, в результате чего в Японии образовалось несколько школ изучения западных наук и языков, из которых в дальнейшем выросли объединения японских христиан, базировавшиеся в Иокогаме, Кумамото и Саппоро. Характерное для второй половины 1870 — 1880-х годов в целом позитивное отношение к христианству в конце XIX в. стало меняться. В это время, с одной стороны, в Японии развивалась идеология государственного синтоизма, в рамках которой власти резко ужесточили контроль за другими

религиями, а с другой стороны, как справедливо показывает автор, произошел своеобразный надлом в недрах самого христианства — на Западе развивались философские и естественно-научные направления, которые поставили под сомнение базовые христианские доктрины. Возникло направление «либеральной теологии», которое, называя себя христианским, отвергало основные христианские догматы о богочеловеческом характере Иисуса Христа, Святой Троице и т.д. Все это привело к разочарованию японцев в миссионерском варианте христианства и либо к отторжению христианства вообще, либо к поискам какого-то нового варианта христианства, который мог бы подойти именно для Японии. Это вылилось в создание целого ряда собственно японских христианских организаций, тем или иным образом сочетающих христианские доктрины с положениями японских традиционных религий. Первой такой организацией автор называет движение «Мукё:кай» [無教会], основанное Утимура Кандзо. Эти организации (движения), более подробно рассмотренные автором в четвертой главе монографии, знаменуют собой переход к японскому варианту христианской религии.

Третий всплеск интереса к христианству автор относит к периоду после завершения Второй мировой войны, когда Япония была оккупирована американскими войсками и находилась под большим влиянием американской культуры. Прибывавшие в это время в страну миссионеры часто оказывали жителям гуманитарную помощь, в связи с чем имидж христианства значительно улучшился. Автор также указывает на то, что в рассматриваемый период Япония переживала духовную и экономическую депрессию и именно христианство стало для многих японцев способом выхода из духовного тупика. Вместе с тем в процессе укрепления японской экономики и самосознания нации необходимость в христианстве стала отпадать, и японцы в значительной степени потеряли к нему интерес.

Кажущийся сравнительно поверхностным, особенно по сравнению со следующими главами монографии, характер повествования и отсутствие детальных описаний и подробного разбора деятельности наиболее ярких представителей христианства в Японии обусловлены тем, что автор преследует в первой главе иную цель — дать общее представление о закономерностях распространения христианской религии в стране, показать основные причины активизации и затухания христианской проповеди. Конечно, хотелось бы увидеть более подробный анализ деятельности и идей выдающихся японских христиан, например Уэмура Масахиса 植村正久 (1858–1925), Кодзаки Хиромити 小崎弘道 (1856–1938) или Эбина Дандзё 海老名弾正 (1856–1937), а также наиболее известных миссионеров, однако в контексте попытки воссоздания целостного механизма восприятия христианства японцами и размышления о судьбе христианства в стране в целом это в рамках проводимого исследования не так уж и необходимо.

Вторая глава монографии посвящена изучению особенностей, а также культурно-психологических проблем восприятия христианства японцами. В первой части главы автор отмечает, что, несмотря на сравнительно небольшое число японских христиан, христианская религия оказала сильное влияние на формирование новых этических ценностей в стране начиная с периода Мэйдзи. Особенно значительным был ее вклад в создание новой системы семейных отношений, повышение роли женщины в обществе, внедрение новых принципов образования, создание целого пласта новых понятий в японском языке. Во второй части главы анализируются те особенности культу-

ры, религии и менталитета, которые могли стать причиной отторжения христианства со стороны японцев. Автор выделяет несколько, на ее взгляд, основных причин: это чуждый характер христианства по отношению к японской культуре, ощущение враждебности и угрозы со стороны источника распространения христианства, т.е. западных стран, строгий монотеистический характер христианства, расходящийся с изначально политеистической религиозной средой в Японии, разное соотношение ролей бога, мира и человека в японской и западной культурах, противоречие индивидуализма западного христианства японским принципам общинной организации жизни, ориентация христианства в Японии в первую очередь на образованные слои населения при длительном игнорировании представителей менее образованных слоев и т.д. Вместе с тем автор приводит весьма любопытное наблюдение: отдельные христианские идеи и термины оказались весьма востребованными в японских «новых религиях» (*синсю:кё*: 新宗教), которые пользуются уже вошедшими в обиход японцев христианскими понятиями для повышения собственного авторитета и большей узнаваемости.

Третья глава монографии посвящена исследованию тех изменений, которым подверглись христианские конфессии в Японии под влиянием японского культурного контекста. Автор берется за крайне трудоемкую и сложную работу, так как дело касается религиозных убеждений и практик японских верующих, затрагивающих наиболее тонкие и часто не выразимые словами аспекты жизни и веры. Автор пытается, и весьма небезуспешно, показать, что за время своего существования в Японии такое сильно отличающееся по исходным показателям от традиционных японских религий учение, как христианство, не могло не претерпеть изменения, причем именно в тех сферах, которые были изначально наиболее важны для японцев, в частности в области похоронно-поминальных ритуалов, непосредственно связанных с важнейшей религиозной формой в Японии — культом предков. Автор также выбирает для сравнения представления о посмертном существовании души, японское стремление к коллективизму в противовес западному индивидуализму, понятие о семье *ие* 家 как об одном из регулирующих факторов жизни японского общества и т.д. В итоге сравнения исконных христианских положений и обрядов с реальными практиками различных современных японских христианских конфессий автор приходит к вполне обоснованному выводу: на данный момент в практиках японских христиан обнаруживаются столь значительные доктринальные изменения, что их необходимо учитывать при характеристике японского христианства как отдельного феномена. Удивительным кажется также и то, что, хотя часть таких изменений инициирована самими японскими верующими, которые стремятся приблизить христианские практики к привычному для них образу мышления и поведения, изменения эти нередко получают официальное закрепление христианских церквей, причем иногда подобные послабления делаются матерями-церквями исключительно для Японии. Например, автор приводит пример одобрения со стороны Католической церкви проведения в Японии церковной похоронной церемонии для домашних животных.

Однако наиболее ценной в контексте исследования японских религий представляется четвертая глава монографии, посвященная называемым автором японохристианскими, или местными, христианским движениям, которые возникли на японской почве без непосредственного влияния миссионеров. Отдельной частью этой главы является анализ такого религиозного феномена, как «тайные христиане» (*какурэ ки-*

риситан カクレキリシタン) — потомки первых японских христианских верующих конца XVI — начала XVII в., которые во время антихристианских гонений периода Токугава не оставили своей веры и продолжали придерживаться ее, камуфлируя под местные японские верования, в результате чего их религиозные практики приобрели синкретические черты. После отмены антихристианского закона в 1873 г. большинство катакомбных верующих предпочли сохранить свою независимость от каких-либо западных конфессий. Автору удалось побывать в местах проживания современных «тайных христиан», своими глазами увидеть места их поклонения и ритуалы, а также взять у них несколько интервью, поэтому приводимые в данном разделе сведения являются крайне важными, тем более что число «тайных христиан» год от года стремительно уменьшается и вскоре они могут совершенно исчезнуть.

Второй раздел главы касается тех японохристианских движений, которые возникли уже в XX в. Основываясь в своей классификации и характеристике этих движений на изысканиях западных исследователей, автор тем не менее провела огромную работу по изучению трудов и наследия наиболее ярких представителей указанных движений и их религиозных концепций. Автор рассматривает такие движения, как «Нецерковное движение» («Мукё:кай», 「無教会」) Утимура Кандзо, «Путь» («До:кай», 「道会」) Мацумура Кайсэки 松村介石 (1859–1939), «Церковь сердца Христа» («Кирисуту синсю: кё:дан», 「基督真宗教団」) Каваи Синсуй 川合信水 (1867–1962), «Ковчег Завета», или «Изначальное Евангелие» («Макуя», 幕屋), или «Гэнси Фукуин», 「原始福音」) Тэсима Икуро 手島郁郎 (1910–1973), «Церковь духа Иисуса» («Иэсу митама кёкай», 「イエス之御霊教会」) Мураи Дзюн 村井純 (1897–1970) и т.д. Автор выделяет два основных типа подобных движений — возникшие до Второй мировой войны и возникшие после нее. Движения этих двух типов, по мысли автора, различаются своими основными целями, социальной ориентацией и методами ведения проповеди, причем движения первого типа более этически ориентированы, теснее связаны с конфуцианскими ценностями и требуют от адептов большей вдумчивости и постоянного самосовершенствования, в то время как движения второго типа тяготеют к «новым религиям», отличаются более демократичным подходом к образованию своих адептов и не требуют постоянного самосовершенствования, при этом отличаясь более агрессивной проповедью. Все эти движения возникли в свое время в результате стремления японских христиан обособиться от западных миссионеров, имевших тенденцию недооценивать японских верующих и требовавших неукоснительного соблюдения западных церковных традиций, не имеющих прямого отношения к Священному Писанию. Это стремление наложило на укрепление самосознания японцев, повышение престижа Японии в мире и идею о том, что японское христианство может быть не только таким же состоятельным, как западное, но и более приближенным к исконным идеям Библии в силу некоего духовного родства между всеми жителями Азии, к которым японцы причисляли и себя, и составителей Священного Писания.

Раскрывая основные доктрины местных христианских движений, автор вскрывает целый пласт новой интереснейшей информации, который до этого не попадал в фокус внимания отечественной японистики. Анализируя положения местных движений христианского толка, автор высказывает вполне обоснованную мысль о том, что, хотя эти движения в Японии не уникальны и наблюдались в разных странах, в том числе Дальневосточного региона, в ней они играли крайне важную роль, появляясь в

периоды, когда японцы начинали особенно остро задумываться о собственной идентичности и состоятельности в сравнении с западными странами. Как ни парадоксально, обретая уверенность в исключительности своих учений, японцы пытались общаться с Западом на его языке, в качестве которого нередко выбиралось христианство, но не в его миссионерском варианте, а в варианте японском, мыслившемся, с одной стороны, более близким к исконному тексту Священного Писания, а с другой стороны, дополнительно обогащенном заимствованиями из традиционных японских религиозно-этических сочинений. Последние, по мнению большинства лидеров местных движений, не только не противоречили христианству, но и дополняли его, раскрывая в нем скрытые от людей Запада истины.

В связи с этим автор делает смелый вывод о том, что на примере местных христианских движений в Японии можно увидеть действие механизма трансформации на японской почве пришедшей религии (в частности, христианства), под влиянием которой она неминуемо видоизменяется. Во-первых, пришедшая религия приобретает синкретические черты, заимствуя положения и принципы японских традиционных религий; во-вторых, воспринимает элементы культа предков; в-третьих, отличается сильной националистической направленностью; в-четвертых, начинает все в большей степени воспринимать идеи традиционного японского общественного и семейного устройства по модели *иэ* и т.д. (с. 283–284).

Основной вывод, который делает автор в заключение своей работы, в значительной степени противоречит разделяемому многими исследователями убеждению, что христианство в Японии, во-первых, не оказало значительного влияния на японскую культуру и, во-вторых, не заслуживает отдельного изучения, так как представляет собой лишь кальку тех представлений, которые распространяли в стране политически ангажированные миссионеры западных стран. Автор высказывает убеждение в том, что христианство, наоборот, сильно повлияло на японскую культуру и образ мыслей, пусть не столько за счет непосредственного распространения веры, сколько за счет тех этических ценностей и принципов, которое оно принесло с собой. Более того, японские христиане довольно быстро осознали многие минусы деятельности миссионеров, их отношения к верующим и распространяемых ими доктрин, поэтому уже с начала XX в. начали пытаться реформировать христианские положения, обогащать их за счет объединения их с восточными мудростью и принципами, в результате чего на японской почве возник интереснейший для любого исследователя Японии феномен местных движений христианского толка. Однако и движения миссионерского происхождения при этом претерпевали доктринальные преобразования, которые в настоящее время сильно отличают их от своих прототипов — западных церквей. Таким образом, мы действительно можем, как заключает автор, наряду с термином «японский буддизм» употреблять и термин «японское христианство» как некий особый, характерный только для Японии феномен.

Считаю, что данная монография заслуживает пристального внимания и может быть рекомендована к прочтению как специалистам, так и людям, интересующимся культурой и историей Японии в целом.

Review of the book:

Bertova A.D.

Christians in Japan: Experience of Historico-Religious Analysis.

St. Petersburg: Nauka, 2017. 318 pp. ISBN 978-5-02-038374-6 (in Russian)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2020, volume 17, no. 3 (issue 42), pp. 163–169)

Received 13.06.2020.

Vadim Yu. Klimov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences; Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

Key words: Russian Spiritual Mission in Japan, “new religions” (*shinshukyo*), concept of *ie* family model, “hiding Christians”, Uchimura Kanzo, Nitobe Inazo, Uemura Masahisa, Kozaki Hiromichi, Ebina Danjo.

About the author:

Vadim Yu. Klimov, Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Department of Far Eastern Studies, IOM RAS (klimovvadim26@gmail.com).